
К.Е.
Буду твоим облоком

К. Е.

Буду твоим облаком

«Автор»
2026

Е. К.

Буду твоим облаком / К. Е. — «Автор», 2026

Ася приезжает в приморский городок, чтобы помочь бабушке в книжной лавке и собрать портфолио. Она рисует облака, прячет самые личные страницы блокнота и никак не решается показать миру свои работы.Матвей записывает звуки, которых другие не замечают: скрип старой калитки, шелест бумажных пакетов, дождь по навесу. Вместе они придумывают «Атлас маленьких чудес» — выставку рисунков и звуков любимого города.Ранние завтраки, прогулки у моря, два персика вместо букета За общей работой незаметно рождается первая любовь. Но одна ошибка испытывает их доверие, а приближающийся сентябрь напоминает: у каждого есть собственная мечта. Смогут ли они сохранить друг друга, не потеряв себя? «Буду твоим облаком» — тёплая история о первой любви, маленькой книжной лавке и смелости быть собой рядом с другим человеком.

© Е. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Книга с мокрыми углами 6
Глава 2. Открыто до дождя 8
Глава 3. Атлас без больших дорог 10
Глава 4. Семь утра и один лишний круассан 12
Глава 5. Вещи, которые помещаются в автобус 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

К. Е.
Буду твоим облаком

К. Е.
Буду твоим облаком
Короткий роман

Глава 1. Книга с мокрыми углами

В первый день моего последнего свободного лета я уронила море на чужие ботинки.

Море было нарисовано акварелью на листе размером с открытку. Я держала его вместе со стаканом лимонада, телефоном и ключом от бабушкиной лавки, когда дверь решила, что четырёх предметов для одного человека слишком много. Колокольчик звякнул, локоть ударился о косяк, стакан опрокинулся. Открытка, ещё влажная после утреннего рисунка, спланировала следом.

Парень на пороге посмотрел вниз. На его левом кеде расплывалось жёлтое пятно, у правого лежал мыс с сосной.

— Там сахар, — сказала я вместо приветствия.

— Я надеялся на обычный дождь.

Я подняла открытку. Синяя краска потекла к самому краю. Чужая рука удержала дверь, пока я пыталась подобрать ещё и телефон.

— Подожди. Я сейчас принесу салфетки.

— Я никуда не тороплюсь. У меня стул.

Только тогда я увидела деревянный стул, который он держал за спинку. Одна ножка была обмотана полоской ткани. На перекладине осталась старая зелёная краска.

— Это объясняет, почему ты стоишь, — заметила я.

Он улыбнулся, и мне стало чуть менее ужасно.

За два дня до этого я приехала в Светлый Берег с чемоданом, планшетом и папкой рисунков, которую мама несла до самой двери поезда, хотя та почти ничего не весила. Перед посадкой она поправила мне воротник и спросила, точно ли я всё взяла. Мы обе понимали, что она спрашивает про другое.

Весной родители разъехались. Мама сняла квартиру рядом с новой работой, папа остался в прежней. В обоих местах мне выделили полку. Своей комнаты у меня теперь оказалось две, а понимания, в какой хочется проснуться, — ни одного.

Бабушка позвонила в тот вечер, когда я третий раз переделывала один и тот же рисунок для портфолио.

«Приезжай. Мне нужен человек, который разберёт открытки. Я уже дважды продала Рыбинск как наш маяк».

Я приехала помогать. По крайней мере, так было написано в семейном чате.

В лавке пахло прохладной штукатуркой и бумагой. Солнце делило пол у витрины на четыре жёлтых прямоугольника. Над кассой висела надпись «Тёплый переплёт», вырезанная дедушкой ещё до моего рождения. Дедушки не стало пять лет назад, а буква «ё» по-прежнему держалась на другом гвоздике: он всё собирался её поправить и всякий раз находил занятие интереснее.

— Матвей! — позвала бабушка из подсобки. — Ставь возле окна.

— Сначала мы спасаем обувь, — ответил он.

Я протянула ему салфетки. Он поставил стул и присел на корточки.

У него были тёмные волосы, которые, видимо, отказывались лежать даже из уважения к утреннему времени, царапина на запястье и джинсовая рубашка с закатанными рукавами. Я заметила всё это, пока старательно смотрела только на кеды.

— Это Ася, — сказала бабушка, выходя с коробкой. — Моя внучка. А это Матвей. Месяц уже обещает мне вернуть стул.

— Три недели.

— В моём возрасте округляют.

— Клей должен был просохнуть.

— А остальные двадцать дней?

— Собирался с духом расстаться.

Бабушка проверила ножку, покачала стул и удовлетворённо села. Матвей продолжал оттирать обувь. Я принесла ему мокрую тряпку, после чего убрала лимонад с пола. Хотелось сделать что-нибудь ещё, желательно такое, что отменило бы первые тридцать секунд нашего знакомства.

— У тебя мыс поплыл, — сказал он, кивнув на открытку.

— Я вижу.

— Можно посмотреть?

Я протянула лист. Он взял его за сухой угол.

— Теперь похоже, что под водой тоже есть сосна.

— Там должна быть тень.

— Значит, есть.

Он вернул открытку так бережно, словно я нарисовала что-то ценное. Я сунула её между страницами своего блокнота, чтобы больше не смотреть на расплывшееся дерево.

Матвей получил от бабушки книгу в мягкой обложке и пакет с двумя булочками.

— За работу, — объяснила она.

— Книгу я куплю.

— А за стул сколько?

Он назвал сумму. Бабушка назвала стоимость книги и выпечки. Они встретились почти посередине, причём каждый выглядел обманутым в свою пользу.

Перед уходом Матвей задержался у двери.

— Если ещё захочешь кому-нибудь устроить море, я завтра зайду за полкой. Папа её доделал.

— Лимонад закончился.

— Тогда мне повезёт.

Колокольчик звякнул. Я смотрела, как он идёт по узкой улице, перепрыгивает трещину в плитке и вдруг останавливается возле соседней калитки. Достаёт из кармана маленькую чёрную штуку. Открывает калитку. Закрывает. Ещё раз открывает.

— Он что делает? — спросила я.

— Записывает, — ответила бабушка. — У калитки хороший голос.

Я решила, что ослышалась.

Через час, разбирая открытки, я нашла конверт с квитанциями. Между ними лежала распечатка объявления: «Сдам помещение под мастерскую. Долгосрочно». На обороте бабушкиным почерком были записаны наш адрес, площадь торгового зала и номер телефона.

Я держала лист достаточно долго, чтобы буквы перестали складываться в смысл.

— Ба?

Она обернулась от чайника.

— Что это?

Бабушка посмотрела на бумагу, потом на меня.

— Один из вариантов, Асенька. Ещё не решила.

На улице Матвей снова закрыл калитку. Она тонко пропела, будто кто-то провёл пальцем по краю стакана. Я впервые услышала этот звук.

Глава 2. Открыто до дождя

У лавки был двор, который в детстве казался мне огромным. Там помещались все мои летние страны: пустыня за водосточной трубой, лес под смородиной и порт возле железного таза. Теперь я могла пересечь его за двенадцать шагов.

На тринадцатом стояла веранда с мутными стёклами. По четвергам здесь собирался книжный клуб, а в остальные дни бабушка ставила чайник для покупателей и продавала выпечку из соседней пекарни. Прежде во дворе не хватало стульев. Этим летом половина оставалась у стены.

— Ты хочешь закрыть магазин? — спросила я за завтраком.

Бабушка разрезала помидор. Мы ели на маленьком столе между смородиной и старой бочкой для дождевой воды.

— Хочу перестать доплачивать за него из пенсии.

— А если сделать рекламу?

— Рекламу тоже надо на что-то делать.

Я намазала масло на хлеб с такой силой, что образовалась дырка.

— Здесь же столько людей бывает.

— В августе. Иногда в июле. В феврале я знаю по именам всех, кто заходит погреться.

Она сказала это без жалобы. От её спокойствия мне было ещё обиднее.

— Дом и помещение твои.

— Электричество почему-то всё равно платное.

Я посмотрела на наши окна второго этажа, на виноград, который не давал ягод, зато исправно карабкался по стене. В детстве мне казалось, что бабушка живёт над книжной лавкой потому, что в мире так устроено. Как море в конце улицы. Возможность изменить это устройство в мои планы не входила.

— У Лиды печатная мастерская, — продолжила бабушка. — Она ищет место побольше. Можно оставить книги в передней комнате, а дальнюю сдать ей. Только сначала надо понять, как мы там уместимся. И захочет ли она сюда переехать. Я не собираюсь запирать дверь завтра утром.

Мне стало легче, но я уже успела представить заколоченную витрину и бабушку среди коробок.

— Почему ты не рассказала?

— Ты экзамены сдавала. Потом приезжала. Потом спала четырнадцать часов. Мы только третий день вместе завтракаем.

Я насупилась. Бабушка положила мне второй кусок хлеба, целый.

В половине одиннадцатого пришла Даша. Когда-то мы строили во дворе гостиницу для жуков. Теперь она училась в колледже на организатора мероприятий, работала на выдаче заказов в пекарне и называла сумку «мобильным штабом».

— Я принесла тебе завтрак и трудоустройство, — объявила она.

— Я уже поела.

— Значит, осталось трудоустройство.

В сумке лежали абрикосовые слойки и рулон бумажных ценников. Даша была на год старше меня и умела входить в любое помещение так, словно её там назначили ответственной. С детства это одновременно успокаивало и немного раздражало.

— У тёти Веры в пекарне место для местных открыток освободилось. Покажешь рисунки?

— Они ещё не готовы.

— Какие? Все?

— Те, которые можно показать.

Даша посмотрела на меня, доела слойку и смела крошки в ладонь.

— До конца лета восемь недель. Ты в курсе?

Я была в курсе. Тридцать первого июля заканчивался приём портфолио на годовую подготовительную программу иллюстрации в областном художественном центре. Я нашла её зимой, сохранила требования и с тех пор создала папку «финальное», внутри которой лежали «финальное2», «точно» и «это_переделать».

Показать Даше хотелось примерно так же, как выйти в центр города в пижаме.

Матвей спас меня от ответа, появившись с полкой. Он принёс её вместе с отцом, широкоплечим человеком в серой футболке. Тот представился Андреем, пожал мне руку и сразу спросил, куда ставить инструмент.

— Туда, где Ася не утопит, — сказал Матвей.

Даша подняла брови. Я молча отдала ему слойку.

Пока Андрей крепил полку, Матвей вышел во двор. Я пошла за ним с бутылкой воды. У калитки он опять достал свой прибор.

— Правда записываешь?

— Нет, делаю вид. Соседи уважают человека с техникой.

— Очень смешно.

Он повернул экран ко мне. По нему пробегала зелёная линия.

— Калитка. Велосипед у пекарни. Пустые стаканы, когда их собирают в стопку. Всё, что интересно звучит.

— А потом?

— Монтирую. Делаю музыку, если получается. Хочу заниматься звуком в кино.

Я представила, как кто-то в тёмном зале слышит нашу калитку и не знает, где она на самом деле.

— Можно послушать?

Он дал мне наушники.

Внутри зашуршала улица. Сначала ничего особенного. Потом я услышала шаги, дальний велосипедный звонок, гулкий удар двери, почти невесомое стрекотание. Калитка пела прямо у меня в голове.

И вдруг чей-то бас спросил:

— Нин, а у тебя стремянка не гуляет?

Я рассмеялась раньше, чем успела снять наушники.

Матвей закрыл лицо ладонью.

— Папа. Лучшая реплика дубля.

— Оставь.

— В фильм про стремянку?

— Про город. Я могла бы нарисовать калитку. А ты — дать послушать, как она звучит.

Я сказала это просто так. Но Матвей перестал улыбаться, посмотрел на меня внимательнее и спросил:

— А что ещё ты могла бы нарисовать?

В тот момент из окна лавки высунулась бабушка.

— Кто украл все слойки?

Даша подняла пустой пакет.

— Искусство, Нина Павловна. Всё искусство.

Глава 3. Атлас без больших дорог

Мы начали с листа, на котором Даша написала: «Что именно вы собираетесь делать?»

— Выставку, — сказала я.

— Это я поняла. Вопрос для тех, кто придёт.

Она сидела за столом на веранде, поджав ногу. Матвей устроился на починенном стуле и крутил карандаш. Я положила перед собой блокнот, раскрытый на чистой странице. Рисунки были в другой половине, прижатой локтем к столу.

Мне хотелось, чтобы идея выглядела взрослой. За ночь она успела превратиться из калитки в проект, способный вернуть лавке покупателей. И пока никто не произнёс это вслух, я ещё могла верить, что мы всё исправим за месяц.

— Рисунки и звуки мест, которые обычно проходят мимо, — сказала я. — Дворы. Окна. Пекарня утром. Может быть, пристань.

— Без лодок с чужими названиями, — добавил Матвей. — Их моторы всё портят.

— Ты против лодок или против названий?

— В зависимости от мотора.

Даша записала «рисунки + звук».

— Сколько?

— Двадцать, — быстро ответила я.

Матвей перестал крутить карандаш.

— За четыре недели?

— Я могу.

— А я не знаю, могу ли двадцать записей. У меня ещё работа с папой.

Я уже собиралась сказать, что справлюсь сама, и только потом вспомнила, что сама не умею записывать звук.

— Двенадцать? — предложила я.

— Восемь хороших, — сказала Даша. — Девятая в запас. Дата — двадцать седьмое июля. Воскресенье. Вечер, чтобы не мешать пекарне. Где?

Я показала на двор.

Матвей посмотрел на стеклянную крышу веранды, где высохшее прошлогоднее пятно напоминало коричневую медузу.

— Если дождь, в торговом зале. На веранде капает.

— Я помню.

— Декорации не вешаем на эту балку, — продолжил он. — Папа посмотрит крепления, но крышу за месяц не переделаем.

Бабушка, до этого молча читавшая у окна накладную, отложила очки.

— И ещё кое-что. Я рада вашей затее. Но не надо писать «спасём магазин».

Я подняла голову.

— Почему?

— Потому что покупатель не должен чувствовать себя виноватым, если ему не нужна книга.

Даша кивнула и вычеркнула фразу, которую я не успела прочитать.

— Мы можем пригласить Лиду, — сказала бабушка. — Она покажет свою печать. Проверим, как ей здесь. Без обещаний.

— А деньги? — спросила я.

— За открытки и книги. За вход брать не будем. Ваши работы — ваши, расходы запишем. Если вы заработаете себе на мороженое и мне на часть счёта, я буду довольна.

В голове у меня всё ещё стояла очередь до перекрёстка. Я почувствовала себя маленькой из-за того, как легко бабушка заметила эту очередь.

— Я не думаю, что мы волшебники, — сказала я.

Она погладила меня по плечу.

— Тогда хорошо.

После обеда Даша ушла на смену. Мы с Матвеем остались придумывать название. Он предложил «Калитка и прочие». Я написала «Город, который мы не слышим» и тут же зачеркнула: рисунки в такое название не помещались.

— А что у тебя в блокноте? — спросил он.

Я прижала локоть крепче.

— Рабочее.

Он отвёл взгляд, не потянулся за обложкой и не сказал «да ладно тебе». Я почему-то приготовилась именно к этому.

— У тебя на первой странице карта? — спросил он вместо этого.

На форзаце действительно была крошечная карта двора, которую я нарисовала в тринадцать лет. Я подвинула блокнот так, чтобы показать только её.

Матвей наклонился.

— Что такое «место хорошего одиночества»?

— Под лестницей. Туда взрослые не помещались.

— Разумно. А это?

— Бабушкина смородина. Раньше была джунглями.

— Значит, у нас атлас.

Я написала слово в углу листа.

— Маленьких мест?

— У калитки обидится самооценка.

— Маленьких чудес.

Он помолчал, потом кивнул. Я не стала сразу ничего вычёркивать.

На обратной стороне листа мы составили список. Восемь мест, восемь рисунков, восемь записей. Общий доступ только к тем файлам, которые готовы показывать. Я сама предложила это правило. Матвей записал его у себя в телефоне рядом с датами рабочих смен.

Первым пунктом была калитка. Вторым — пекарня в семь утра.

— Ты умеешь вставать в семь? — спросил он.

— Конечно.

— Твоя бабушка сказала, что вчера проверяла, дышишь ли ты.

— Это был восстановительный сон.

— Тогда завтра в шесть сорок. Восстанавливайся заранее.

Когда он ушёл, я открыла другую половину блокнота. Там лежал вчерашний мыс, у которого теперь было две сосны. Нижняя высохла красивее верхней.

Я приклеила открытку за уголок. Внизу написала: «День первый. Море на ботинках».

Глава 4. Семь утра и один лишний круассан

В шесть тридцать пять телефон сообщил, что через десять минут мне придётся пожалеть о самоуверенности.

Я оделась на ощупь, перепутала носки и спустилась по лестнице, держась за перила обеими руками. Бабушка ещё спала. Это было настолько необычно, что я старалась ступать тише даже там, где ступеньки не скрипели.

Матвей ждал у калитки с двумя бумажными стаканами.

— Чай, — сказал он. — Кофе ты пьёшь?

— Я пока не знаю, разговариваю ли.

Он протянул стакан. Чай был с лимоном, без сахара. Я согрела о него пальцы. Утро оказалось прохладнее, чем выглядело из окна, и рукава моего молочного свитера всё время ползли вверх.

Пекарня открывалась в восемь, но тётя Вера разрешила нам прийти раньше. Даша уже стояла за прилавком и приклеивала этикетки к пакетам.

— Если нарисуешь мои мешки под глазами, я потребую процент, — сказала она.

На кухню нас не пустили. Мы устроились у двери, откуда было слышно, как стучат противни и шуршит бумага. Матвей прикрепил к рекордеру пушистую серую насадку.

— Это что?

— Защита от ветра.

— Похоже на маленького грустного зверя.

— Он не любит рано вставать.

Я нарисовала его в углу страницы. Зверь получился с недовольными бровями. Матвей заглянул и закусил губу, чтобы не засмеяться в запись.

Потом тётя Вера уронила щипцы.

Мы замерли.

— Ничего, — прошептал Матвей.

Из подсобки донеслось:

— Кто опять поставил эту коробку посреди всего моего терпения?

Я уткнулась в рукав. Рекордер продолжал добросовестно собирать утро.

Тётя Вера вышла с противнем, увидела наши лица и сказала:

— Это не для выставки.

Матвей остановил запись.

— Понял. Удалю этот кусок.

— А вот булочки можете выставлять. Их я сегодня люблю.

Мы сделали ещё три дубля. На последнем всё получилось: шелест пакета, хруст корочки под ножом, короткий звон посуды. Я рисовала не витрину целиком, а Дашины руки, завязывающие бумажную ленту. Спросила, можно ли оставить кольцо на пальце. Даша посмотрела на рисунок и разрешила, но попросила сделать ногти менее похожими на лопаты.

После записи нам выдали чайник и вчерашние круассаны, которые всё равно были лучше сегодняшнего завтрака где угодно ещё. Мы сели на низкий парапет у пустой площади.

Светлый Берег просыпался не сразу. Сперва проехал грузовик с молоком, потом женщина в красном плаще повела за руку сонного мальчика. Чайка села на столб и посмотрела на мой круассан с чувством, которое я предпочла считать уважением.

— Ты давно рисуешь? — спросил Матвей.

— С тех пор, как перестала есть карандаши.

— То есть недавно?

Я ткнула его локтем. Он подвинулся, освобождая мне сухое место на парапете.

Я рассказала про художественную школу и портфолио. Про папку «финальное» рассказала тоже, хотя собиралась сохранить хоть какое-то достоинство. Матвей кивнул с таким пониманием, что я заподозрила у него аналогичную.

— У меня «готовый звук». Там четыре папки. Последняя называется «слушать только утром».

— Почему?

— Ночью кажется гениально. Утром слышно холодильник.

Я засмеялась и стряхнула с коленей крошки.

— А куда ты поступаешь?

— Уже поступил. В прошлом году. В сентябре начнётся второй курс в Заречье. Летом работаю здесь с папой. Если повезёт, с осени возьмут стажёром в студию при колледже. Там делают звук для короткометражек.

Заречье находилось в пяти часах на автобусе и ещё сорока минутах на электричке. Я знала, потому что художественный центр был там же.

— Я тоже туда подаю, — сказала я. — Только пока страшно.

— Подать или уехать?

Вопрос оказался точнее, чем мне хотелось.

— Показывать то, что у меня есть. Когда отправишь, уже не поправишь.

— Можешь передумать через год. Или завтра нарисовать другое.

— Ты говоришь так, будто это просто.

Матвей покрутил стакан.

— Нет. Я в прошлом году три раза доходил до кнопки «отправить», потом шёл мыть кружку. У нас к вечеру вся посуда чистая была.

Мне понравилось, что он не придумал себя смелее, чем был.

Чайка всё-таки спрыгнула со столба. Матвей отодвинул пакет от края парапета, а мне протянул последний круассан.

— Он лишний.

— Мы брали четыре. Ты съел один.

— Очень сытный был.

Я разломила круассан пополам. Одну половину вернула ему.

По дороге к лавке мы слушали удачный дубль через одни наушники. Его шаги всё время оказывались длиннее моих, и Матвей то уходил вперёд, то возвращался. На третьем перекрёстке он наконец замедлился. Провод перестал дёргать меня за ухо.

У двери я поймала себя на том, что больше не хочу спать.

Глава 5. Вещи, которые помещаются в автобус

За картоном для выставки мы поехали в соседний посёлок. В Светлом Береге продавался только белый, тонкий и почему-то обязательно наборами с блёстками. Лида сказала, что может заказать нужный, но ждать придётся две недели.

— Съездите к моей сестре, — предложила она. — У неё магазин для художников. И не покупайте полвитрины. Я вас знаю.

Со мной она познакомилась за четыре минуты до этого.

Лида была невысокой, с коротко стриженными волосами цвета вишнёвого варенья. Она принесла бабушке образцы блокнотов, а мне показала, как один и тот же синий меняется на трёх видах бумаги. Я сразу решила, что человек, способный об этом говорить с таким удовольствием, имеет право предсказывать мои расходы.

Мы с Матвеем сели в девятичасовой автобус в четверг, десятого июля. На календаре у кассы я утром поставила первую галочку: калитка была закончена. Рядом повесила список, где восемь пустых клеток всё ещё выглядели довольно сердито.

Матвей нёс тубус. Я — точную сумму на материалы в конверте. Бабушка выделила нам небольшой бюджет; остальное мы с ним решили поделить. После закупки должно было остаться на печать пробных открыток и несколько пар недорогих наушников. Илья, Матвеев друг, обещал одолжить для выставки три старых телефона, на которых работал звук без интернета.

— А твой телефон старый? — спросила я, когда Матвей достал аппарат с треснувшим углом.

— Он опытный.

— Тогда я тоже опытная. У меня царапина на колене с шестого класса.

— У тебя лучше сохранился экран.

Он сел у прохода, оставив мне окно. За стеклом потянулись огороды, потом сосны, затем пустая полоска моря. В автобусе пахло нагретыми сиденьями и укропом: женщина впереди прижимала к себе огромный букет зелени.

Я достала блокнот и начала рисовать её локти, торчащие по обе стороны букета.

— Это будет в атласе? — спросил Матвей.

— Нет. Просто смешно.

Он некоторое время смотрел в окно, пока я рисовала. Не пытался подсмотреть страницу целиком. Я уже начала привыкать к этой маленькой вежливости и замечала её всякий раз, когда она повторялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.